

— Ты пришел сюда только ради того, чтобы поспать?

Появление Юнь Ляня в этот час стало для всех учеников полной неожиданностью. По правилам горы Цинсюань, первый урок первого месяца обучения всегда должен был проводить наставник павильона Вансянь — старик Бай, чтобы выказать почтение учителю.

Увидев входящего Юнь Ляня, ученики, которые мгновенно сменили насмешливые гримасы на серьезные лица, выпрямили спины, приняв позу послушных школьников, какой не придерживались с самого раннего детства.

Все юноши послушно замерли, особенно выделялся Вэнь Цань, который до этого преспокойно спал в углу. Юнь Лянь скользнул по нему взглядом, но промолчал.

Облаченный в белоснежные одежды, он стоял на кафедре, подобно чистой сосне среди бескрайних снегов. Его взгляд был холодным, но лишенным ледяной суровости. Он начал размеренно, слово за словом, разъяснять суть совершенствования:

— Совершенствование требует прежде всего спокойствия духа и умиротворения. Если вы не способны даже на самые основы самовоспитания, то практика для вас лишена всякого смысла. Я прав, Вэнь Цань?

Вэнь Цань, окончательно проснувшись, почувствовал, как каждая клеточка его тела откликнулась на привычный страх перед Юнь Лянем. Он с трудом разлепил веки и, услышав свое имя, вскочил с места с такой прытью, будто его подбросило пружиной.

Впервые в жизни он ответил с предельной четкостью:

— Прав.

Обычно развязный и небрежный юноша стоял вытянувшись в струнку, расправив плечи, хотя веки все еще предательски слипались.

Ученики, наслышанные о подвигах Юнь Ляня еще дома, испытывали перед ним смесь благоговения и ужаса. Они старались сидеть тише воды, ниже травы, но неожиданная выходка Вэнь Цаня вызвала у них дружный смех.

Однако, заметив краем глаза ледяное выражение лица Юнь Ляня, они тут же прикусили языки. В глубине души они уже негласно записали Вэнь Цаня в свой лагерь — лагерь несчастных, для которых страх перед Линцин-цзюнем был куда сильнее восхищения.

Юнь Лянь окинул его взглядом:

— Проснулся?

Вэнь Цань молча сглотнул:

— Да.

Юнь Лянь холодно произнес:

— Ты пришел сюда только ради того, чтобы поспать?

За три года, проведенные с Юнь Лянем на пике Хэ, Вэнь Цань выучил каждое движение его глаз. Встретившись с этим темным, как безлунная ночь, взглядом, Вэнь Цань понял, что гнев учителя неизбежен, и благоразумно прикусил язык.

— Если сам ведешь себя правильно, то и без приказов все будут следовать за тобой. Если же сам ведешь себя несправедливо, то даже приказы не исполняют. Как ученики знатных домов, в будущем вы все будете управлять своими землями. Если вы не способны держать себя в руках и строго следовать дисциплине, то какое право имеете требовать этого от других?

Хотя слова эти были адресованы Вэнь Цаню, они в равной мере относились и ко всем остальным. Каждый присутствующий понял: Юнь Лянь выбрал Вэнь Цаня в качестве примера, чтобы проучить остальных.

И действительно, Юнь Лянь продолжил:

— Сегодня перепишешь Сборник наставлений сто раз. Пока не закончишь — из павильона не выйдешь.

Вэнь Цань округлил глаза:

— Почему сто раз?

Сборник наставлений был одним из сводов правил горы Цинсюань, написанным тяжелым, архаичным языком. В нем встречалось множество редких иероглифов, и стоило допустить хоть одну ошибку, как приходилось начинать все сначала. К счастью, текст был коротким, и в прошлой жизни Вэнь Цань переписал его не меньше тысячи раз, так что рука давно набилась оскмину. Но ведь говорили, что Юнь Лянь обычно наказывает максимум пятьюдесятью повторениями! Неужели второй старший брат дезинформировал их?

Перед началом лекции Юнь Бинжун вкратце объяснил ученикам правила павильона Вансянь. Все они были избалованными наследниками знатных родов, привыкшими к вольной жизни, но гора Цинсюань сильно отличалась от их домов — здесь царила суровая дисциплина, а Юнь

Лянь был человеком, с которым лучше не связываться.

— Поскольку ты ученик бессмертного Лихуай, твоё наказание будет строже, чем у остальных.

Раз уж ты получил то, о чём другие не смеют и мечтать, то и бремя, которое ты обязан нести, должно быть тяжелее, чем у других. Только так будет справедливо. Юнь Лянь всегда придерживался этого принципа — не только в отношении других, но и в отношении себя. Не было причин проявлять милосердие к младшему брату только из-за того, что он стал его учеником.

— Но я ещё...

— Двести раз.

— Нет, старший брат...

— Триста раз.

Вэнь Цань окончательно смирился:

— Хорошо, старший брат, обещаю выполнить задание.

Если он продолжит спорить, то не закончит и за несколько суток без сна.

Вэнь Цань подумал: даже если всё началось сначала, даже если весь мир изменился, Юнь Лянь никогда не изменит своей бесчеловечной натуре.

Видя, что Вэнь Цаня наказали, даже не дав начать обучение, остальные ученики испытали смешанные чувства: они радовались, что наказание досталось не им, но в то же время сочувствовали его участи. Даже Чан Сунлинь скривился, радуясь, что Юнь Лянь выбрал в ученики не его.

После вечернего занятия остальные ученики отправились в столовую. Большинство выходцев из знатных домов ещё не достигли такого уровня совершенствования, чтобы обходиться без пищи, и не практиковали полное воздержание от еды, иначе истощение было бы неминуемо.

Лишь Вэнь Цань продолжал послушно сидеть на месте, не двигаясь. Если бы это случилось в прошлой жизни, он ни за что не стал бы ничего переписывать. Он бы устроил скандал, и даже если бы Юнь Лянь вышвырнул его с горы Цинсюань, он бы не сдвинулся с места. В этом заключалась его гордость.

Сонливость не отступала. Вэнь Цань подпер голову рукой. После десятка страниц буквы начали расплываться, стало невыносимо скучно, и он начал клевать носом.

Как только его кисть замерла, оставив на рисовой бумаге кляксу, раздался звонкий юношеский голос:

— Неплохо, а ты быстро переписываешь этот Сборник. Кажется, мог бы сделать это даже с закрытыми глазами.

Вэнь Цань вздрогнул от неожиданности и чуть не свалился со стола. Увидев, кто перед ним, он расслабленно откинулся назад и выдохнул:

— Обычное дело, просто у меня хорошая память.

Еще бы! Не стоит и вспоминать, сколько раз он в прошлой жизни попадался в лапы Юнь Ляня и переписывал этот проклятый сборник тысячи раз — он уже давно выучил его наизусть.

— Ты меня так напугал, я уж подумал, что это Юнь Лянь вернулся.

Чан Сунлинь, услышав такой развязный тон, возмутился:

— Разве позволительно называть Линцин-цзюня по имени? Ты ведешь себя крайне невежливо, ни капли не похож на ученика знатного рода.

Вэнь Цань лишь отмахнулся от упреков маленького господина. Невежливо? Да он в прошлой жизни тыкал в Юнь Ляня пальцем и крыл его последними словами — вот где был настоящий скандал! Хорошо, что Чан Сунлинь об этом не знал, а то не миновать бы ему еще больших проклятий.

Поместье рода Чан находилось рядом с островом Чунлин, и Чан Сунлинь с рождения был избалованным ребенком, которого все носили на руках. Он был типичным представителем знати и в отличие от Вэнь Цаня не мог понять подобных вольностей.

Вэнь Цань убрал исписанные каракулями листы и посмотрел на Чан Сунлиня:

— Так ты пришел сюда специально, чтобы поиздеваться надо мной?

Хотя все ученики жили в павильоне Вансянь, их спальни находились далеко от учебного зала, поэтому Вэнь Цань не верил, что Чан Сунлинь просто проходил мимо после ужина.

— Мечтай больше, кто бы стал сюда возвращаться специально! — Чан Сунлинь бросил на стол

коробочку с едой. — Брат Хуайцзюэ велел принести тебе поесть. Боится, что если ты умрешь от голода за ночь, ему будет нечего сказать старшему брату Вэню.

Если бы не просьба Гу Хуайцзюэ, Чан Сунлинь в жизни бы не принес Вэнь Цаню еды. Он не верил, что Вэнь Цань умрет с голоду — этот пройдоха скорее сбежит посреди ночи, чем будет покорно сидеть здесь и переписывать тексты до рассвета.

Видя, как он стоит с задратым носом, держа корзинку с видом великого благодетеля, Вэнь Цань с благодарностью принял подношение. Но Чан Сунлинь не угадал: Вэнь Цань действительно просидел в зале всю ночь.

Перед столом мерцал слабый свет свечи, отсекая густую ночную тьму за окном. Сгорбленная фигура юноши замерла, не двигаясь долгое время.

Юнь Лянь стоял за окном, глядя на этот крошечный уголок. Вэнь Цань уснул прямо на столе, и сквозь тишину доносилось его ровное дыхание.

В отличие от дневного облика, когда он вечно улыбался, сейчас брови Вэнь Цаня были слегка сдвинуты, а длинные ресницы отбрасывали тень. Юнь Лянь протянул руку, и в какой-то миг у него возникло странное желание разглядить складку между его бровей. Он не понимал, откуда взялось это чувство, ведь он никогда не был подвержен эмоциям.

Кончики пальцев замерли в воздухе, и в итоге он отдернул руку.

Юнь Лянь опустил взгляд и заметил, что рука Вэнь Цаня, сама того не ведая, зацепилась за его подол. Длинные тонкие пальцы слегка сжимали ткань, и от них исходило тепло. Юнь Лянь, не ожидавший этого, вздрогнул.

Вэнь Цань во сне крепко держал Юнь Ляня, и из-под его руки показался лист бумаги, на котором были не только кривые иероглифы, но и нарисованный человечек. Поняв, что это за рисунок, Юнь Лянь почувствовал, как пульсирует висок. Его лицо мгновенно помрачнело. Он выхватил меч Души и перевернул стол, за которым спал Вэнь Цань.

Вэнь Цань сидел неудобно, опираясь на стол, и когда тот исчез, он растянулся на полу во весь рост. Он захлопал глазами, глядя на Юнь Ляня.

— С-старший брат? — неужели этот сон был настолько реалистичным?

Юнь Лянь глубоко вздохнул:

— Если сегодня ночью не допишешь триста раз, завтра добавим еще триста.

Глядя, как фигура наставника удаляется, Вэнь Цань почесал голову, глядя на рисунок человечка, подозрительно похожего на Юнь Ляня, и так и не понял, в чем провинился. Не зная, чем именно он вызвал гнев, Вэнь Цань смирился с наказанием. К счастью, в прошлой жизни под началом Юнь Ляня он натренировался писать без усталости и к приходу наставника на следующее утро успел закончить.

Однако, когда он с гордостью хотел показать работу, Юнь Лянь так и не появился.

Вэнь Цань подпер голову и спросил соседа:

— Разве сегодня не должны продолжаться уроки по совершенствованию? Линцин-цзюнь не придет?

После того как Юнь Лянь наказал его, Вэнь Цань каким-то образом сблизился с другими учениками, с которыми раньше едва перекидывался парой слов.

Один из учеников горы Чичэн ответил:

— Похоже, не придет. Я слышал, что Линцин-цзюня вызвали наставники по какому-то делу.

Чан Сунлинь вытянул шею:

— Ты же его младший брат, как ты можешь не знать и спрашивать других?

Услышав его язвительный тон, Вэнь Цань ответил не менее колко:

— Эх, кто же виноват, что я всю ночь корпел над наказанием, пока у меня не было времени разузнать дела старшего брата.

Су Шэнь, услышав это издали, отозвался:

— Тяжело тебе пришлось, брат Ицзюнь.

Вэнь Цань ответил:

— Не тяжело, совсем не тяжело! Лишь бы кормили, остальное — пустяки.

Чан Сунлинь позеленел от злости, глядя на Вэнь Цаня, и, казалось, был готов заставить его выплюнуть все, что тот съел вчера вечером.

— О, кстати, я вспомнил! Когда я шел сюда, видел, как старший брат Юнь Чэ возвращается с горы с другими учениками, кажется, они говорили о... ловле призраков, — сказал ученик с горы Чичэн.

Чан Сунлинь переспросил:

— Ловле призраков?

Тот кивнул:

— Да. Вы, ученики знатных домов, возможно, не привыкли, но мы в сектах часто спускаемся с гор, чтобы помогать простолюдинам справляться с подобной нечистью. Гора Цинсюань — первая среди сект, естественно, к ним поступает больше всего просьб.

Знатные роды охраняли земли и занимались явными делами, а секты защищали людей, разбираясь с тем, что обычные смертные не могли понять — со злыми духами. Много лет разделение обязанностей было четким.

Услышав это, Вэнь Цань мгновенно подумал: неужели это призрак женщины с красным зонтом из Кладбища скелетов?

<http://bllate.org/book/21250/2150431>